

КУБИНСКАЯ НОВЕЛЛА МСТИСЛАВА РОСТРОПОВИЧА

НАКОНЕЦ-ТО удалось заставить Мстислава Леопольдовича Ростроповича в его московской квартире. Артист отдыхал после зарубежных поездок, облетев и исколесив почти полмира. Мстислав Ростропович высоко пронес славу советского искусства по семи странам Латинской Америки, а затем выступил в Англии. И везде — работа, работа, вдохновенная, самоотверженная, напряженная.

Но и дома — опять работа: концерты, новые репетиции, педагогическая задолженность. Я шел к Ростроповичу с колебаниями — не хотелось надолго отрываться от занятий. Но артист охотно согласился поделиться с читателями нашей газеты впечатлениями от своей «латиноамериканской одиссеи».

— МОЕ латиноамериканское турне открылось в Мексике, — начал свой рассказ Мстислав Леопольдович. — В эту страну я приехал вторично. Впервые я побывал здесь в 1959 году на Международном конкурсе виолончелистов имени Пабло Казальса в качестве члена жюри. Так что у меня уже были в Мексике знакомые и даже друзья.

Пребывание в Мексике было омрачено тем, что мой большой друг Давид Альфаро Сикейрос, с которым я мечтал встретиться, находился в тюрьме. Я вспомнил, как в 1959 году он водил меня по Мехико и показывал стеленные росписи и полотна гениального Диего Ривера, Ороско... А сейчас мне оставалось лишь с грустью смотреть на стенную роспись Сикейроса, не оконченную из-за ареста.

Первое наше выступление состоялось в муниципальном театре.

Затем концерты для студентов и преподавателей Мексиканской национальной консерватории, для студентов политехнического института. Это

были, как у нас называют, «шефские» концерты. Последний превратился в подлинную манифестацию мексикано-советской дружбы.

А дальше — дальше была Куба...

Ростропович на минуту задумался:

— Куба — это большой разговор, и, если позволите, я расскажу об этом подробнее...

В те дни над революционной Кубой сгустились тучи, нагнанные ветром, дующим с североамериканских берегов. Американская печать открыто призывала к «военному наступлению» против кубинского народа.

Мы прилетели на «остров свободы» поздно вечером, а на другой день стали составлять с кубинскими представителями план двух концертов, наметили открытый урок в консерватории, выступления по радио, телевидению. Но ход событий, как вы увидите, заставил сделать существенные добавления в это расписание.

Куба — страна молодых. Молодежь повсюду, кипучая и деятельная, ищущая и находящая. И все новое — новые формы правления, новый подход к просвещению масс. Мы словно сами помолодели, обрели новую энергию, новые силы. Захотелось ближе познакомиться с этими замечательными людьми, с их прекрасной страной.

Мы сказали нашим кубинским хозяевам, что будем играть сколько угодно, где и когда — все равно.

Ранним утром следующего дня к нашему отелю подъехал самый обыкновенный грузовик с... пианино. Шофер пригласил меня с аккомпаниатором Дедюхиным в путь.

Едем довольно долго. Вот и цель — сахарная плантация. Масса народа, вокруг обгорелые стебли сахарного тростника. Контрреволюционеры

ночью, когда люди отдыхали после недели напряженного труда, подожгли плантацию. Они пытались деморализовать население. Но жестоко просчитались. Их преступление лишь еще больше сплотило народ. Пожар тушили патриоты-крестьяне, рабочие и интеллигенты. Я увидел среди них и артистов национального симфонического оркестра во главе с дирижером Гонзалесом Мантичи. Такое сотрудничество, как этот «воскресник», здесь дело обычное.

Грузовик стоял на самом солнцепеке. На нас надели широкие сомбреро. Я всматривался в людей. Они были расстроены: сорвало много тростника. «Что же им сыграть?». Я не выдержал и... вопреки своей привычке сказал речь:

— Я сыграю для вас «Танец огня» испанского композитора Мануэля Де Фальи. Но это будет танец не того огня, который вы потушили на рассвете, спасая плоды вашего труда. Это будет огненный танец дружбы и любви, человеческой солидарности...

Что тут началось! Люди зааплодировали, стали скандировать: «Фи-дель! Хру-щев!».

Настроение передалось и нам. Я чувствовал радостное возбуждение, необычайный подъем. И вдруг другая картина возникла в памяти: поездка на Алтай, на целинные земли, несколько лет назад. Когда я выступал там, люди так же возбужденно, с такой же гордостью выражали свои чувства — радость совместного труда, свое единство, и музыка отзывалась в их сердцах. И хотя на целине свирепствовал холод, а здесь — дикая жара, все равно я видел много общего в настроении людей...

С плантации мы поехали на том же грузовике на государственную сахарную фабрику «Централь», затем на другую. Дальше — сельскохозяйственный кооператив недалеко от

города Гуинес. Здесь собрание. Крестьяне, как писал Сергей Есенин, «свою обсуживали жись». Потом наш концерт в клубе — доме с небольшим залом. Люди заполнили его до отказа, стояли на улице.

Возвращаемся в Гуинес. Смеркается. Мягкий, прохладный вечер окутал горы. Нас встречают жители во главе с мэром, молодым парнем. Ему 19 лет. По традиции все жители выходят на центральную площадь отдохнуть, обменяться новостями. Мы даем концерт прямо на площади. Поздно вечером усталые, но полные неповторимых впечатлений, возвращаемся на своем грузовике-сцене в Гавану.

— И все это в один день?

— Да, в один день, — отвечает Ростропович.

— Но это уже целая кубинская повесть!..

— Подождите, это только начало. И, может быть, самое интересное еще впереди, — улыбается Мстислав Леопольдович и продолжает свой рассказ.

— В Гаване, — концерт для студентов и преподавателей консерватории. Между прочим, это совпало с моим днем рождения. Об этом как-то узнали. Цветы, поздравления. Все очень искренне и очень тепло!

На другой день — открытый концерт-урок для местных виолончелистов в консерватории. Народу полным-полно. Студенты, преподаватели, виолончелисты, скрипачи, вокалисты. Концерт, видимо, им понравился.

Это были очень напряженные дни. Тучи над Кубой сгустились все больше.

И, естественно, что мы не удивились, когда к нам в час ночи пришла женщина в военной форме, с кобурой на боку, и прямо, без предисловий, сказала:

— Сейчас десятки тысяч бойцов народной милиции окружили по приказу Фиделя в горах Эскамбрай бандитов, которых поддерживают янки. Можете туда поехать?

«Через три дня — обязательный концерт в Гаване. Успеете ли?» — проносится у меня в голове. Собеседница разрешает колебания:

— Мы можем выехать на автомобиле через час.

В два часа утра мы с Дедюхиным выехали, грузовик с пианино следовал за нами. К утру, покрыв триста километров, были на месте. Застава. Бородачи. Проверка. Сосредоточенные, настороженные лица, и вдруг улыбки: советские артисты!

В горах бойцы уже, оказываясь, ждут нас несколько часов. Объятия, рукопожатия. Наверное, несколько тысяч рукопожатий. Руки хрустели, и сразу играть было невозможно.

Когда мы выступали, все улыбались нам. И не потому, что мы играли особенно хорошо, а от порыва — перед нами были советские люди.

А затем мои слушатели сами стали показывать свое искусство. Они исполнили на народных инструментах кубинские песни и танцевальные мелодии. Этот вырвавшийся на простор фольклор — одно из самых потрясающих революционных завоеваний.

Все артисты были в военной форме. Им тоже пришлось вы-

ступать на грузовике. Это художники новой революционной формации, это бойцы, быстро сменяющие музыкальные инструменты на винтовку. И они делятся своим искусством с народом

от души, оно идет у них прямо от сердца.

Командир батальона говорит мне:

— На сопке небольшая группа бойцов. Они звонили по радиотелефону и узнали, что приехал советский артист. Грузовик с пианино не может пройти по отвесным скалам. Поезжай, компаньеро, без пианино — на виллисе...

Опытный шофер вез уверенно и, хотя машина часто буксовала, довез блестяще. Среди бойцов были итальянцы, аргентинцы, бразильцы, испанцы — настоящий интернационал. И, конечно, кубинцы. Их было человек 20—30. Я сыграл некоторые части сюиты Баха. Без рояля было трудно. Но слушали с большим вниманием.

Они были очень рады встрече с советским артистом и щедро аплодировали. Вдруг один итальянец с горящими глазами говорит:

— Сыграй мне «Вернись в Сорренто»!

Я сыграл. Итальянец был растроган, в глазах у него стояли слезы.

Затем новые концерты — десять концертов в воинских частях и в госпиталях.

В одном из городков, в маленьком домике два убитых бойца — дело рук террористов. Флаги приспущены в знак траура. Женщина в военной форме, стоя на нашем грузовике, ровным, спокойным голосом сказала:

— Снять шляпы! Мы не хороним мертвых, мы провожаем их в дальний путь...

Потом она представила нас. Играли Генделя, Форэ, Баха, Чайковского. На этот раз аплодисментов не было. Но было много благородных, возвышающих чувств человеческой солидарности.

Затем снова и снова концерты, в том числе концерты в Гаване. После одного из них меня предупредили:

— Возможно, Фидель придет к тебе...

Ночь, не спим до трех утра. Сидим в вестибюле отеля. И вот появился Фидель Кастро. Он в военной форме, в сапогах. Язык нам заменили руки. Фидель крепко, мужественно пожимает обе мои руки и говорит:

— «Gracias!», «Спасибо!».

Мы смотрим в глаза друг другу, и переводчик не нужен. Я никогда не забуду этих минут — вождь революционного народа пришел приветствовать советского артиста!

На другой день у меня заключительный, 21-й концерт на кубинской земле. Он проходит на Соборной площади в Гаване, на сцене из свежих досок, люди повсюду — на приспущенных из домов стульях и скамейках, на машинах и балконах. Выступали мы с симфоническим оркестром Гаванской филармонии. Слушатели неистовствовали от восторга...

Рассказ окончен. Мстислав Леопольдович задумчиво смотрит в окно, и на его лице словно отражаются далекие воспоминания. А я, просматривая свои торопливые записи, опасаюсь, что не смогу передать всей глубины и суровой прелести этой устной новеллы большого артиста о героическом революционном народе...

Ю. ОКОВ.